

Министерство обрядов суеилось так, что чиновники едва не лишились рассудка, но всё же к полудню церемония приема была готова к началу.

Времени, конечно, не хватило, и величие Небесной Династии пришлось поддерживать великолепием дворцов да труппой музыкантов, которых содержали при дворе ради потехи. В целом вышло лишь посредственно.

Император, превыше всего ценивший подобающий вид, был явно недоволен. Его бесстрастное лицо внушало чиновникам Министерства обрядов такой ужас, что те дрожали: будь у них побольше времени, они бы организовали всё безупречно, и государь остался бы в добром расположении духа.

Зато посольство Кидани выглядело так, словно заранее готовилось к встрече с Императором: люди были бодры, полны сил и досконально знали все тонкости этикета Небесной Династии.

Более того, они подготовили множество разнообразных даров, сопроводив каждый из них изысканным пожеланием — всё было продумано до мелочей.

— Государь, вон тот — киданьский принц Цан Нуо, — прошептал Девятый князь, склонившись к уху Императора.

Император окинул взглядом процессию внизу. Он видел лишь согнутые спины послов, украшенные яркими узорами, словно призванными подчеркнуть разгульную, дикуую натуру киданьского народа.

Он впился острым взглядом в широкие плечи и спину шедшего впереди мужчины. Этот человек наверняка с детства упражнялся в боевых искусствах.

— У киданьского правителя два сына. Это старший?

— Нет, младший.

Двое братьев из императорского рода Небесной Династии, наблюдая за почтительно кланяющейся делегацией, оба почувствовали недоброе. Мощь киданьских войск достигла такого предела, что Небесная Династия более не могла позволить себе беспечность.

Судя по стати и повадкам Цан Нуо, если Кидань начнет войну, именно этот человек вполне может стать тем полководцем, что возглавит их армию.

Император размышлял, не сводя глаз с посла. Когда киданьский принц закончил ритуал и выпрямился, их взгляды встретились. В тот же миг Император ощутил нечто пугающее, словно удар в самое сердце.

На мгновение показалось, будто они смотрят друг другу в глаза как равные.

Наглость!

Но это невозможно: он восседает на высоком троне, а принц стоит внизу у ступеней. Один в вышине, другой внизу — как они могут быть на равных?

Император выпрямился, его взгляд, подобный горящему факелу, пронзил собеседника. Но это знакомое и в то же время чуждое ощущение мгновенно исчезло, словно его и не было. Император ясно увидел, что перед ним лишь пара мягких, спокойных глаз.

Широкие плечи, статный стан.

Мужественное, правильное лицо — всё в точности соответствовало образу простодушного и доблестного киданьского воина, который рисовало воображение. Такая внешность лишь усыпляла бдительность.

— Значит, это тот самый красноречивый киданьский принц, что в двух словах заставил Юлана похвастаться сверх меры? — Император покосился на Девятого брата и насмешливо хмыкнул.

Лишь такой легкомысленный человек, как Юлан, мог купиться на столь явную провокацию.

Взгляд и выражение лица принца Цан Нуо были куда дружелюбнее, чем у обычных послов. Мгновение назад ему просто почудилось.

Разумеется, это была лишь иллюзия.

Он с рождения был наследником престола, его статус был выше любых слов, а уж после того, как он столько времени провел на троне — и подавно. Никто в его стране, под сенью его власти, не посмел бы смотреть ему в глаза как равный.

Император ни секунды не сомневался в этом.

Однако в то же самое время из глубин его души поднялось чувство бесконечной, пугающей пустоты. Ярко-желтый шелк на троне был холодным и гладким, а само широкое кресло не давало опереться ни на что, заставляя сидеть прямо, посередине.

Стоило позволить себе малейшую слабость, и тысячи испуганных глаз внизу тут же это заметили бы.

Он никогда не расслаблялся.

— Почему не видно Юлана? — Император выпрямился и неожиданно обратился к брату, стоявшему рядом.

— Эта маленькая обезьянка... разве можно брать его на такие мероприятия? Неизвестно, каких бед он бы натворил. Как только они прибыли, я велел ему сначала пойти к Вдовствующей императрице. Если государь желает его видеть, то встретится с ним, как только вернется во внутренние покои, — Девятый князь, всё время стоявший с прямой спиной, невольно улыбнулся при упоминании Юлана.

Император кивнул, заметив эту искреннюю улыбку брата.

Повезло же Девятому. Эта маленькая «обезьянка» — заноза в боку, порой от нее зубы сводит, но при этом невозможно не думать о ней. Как получилось, что такой редкий человек достался Девятому? И почему он, владыка всей Поднебесной, не может повелевать Юланом?

Белые ухоженные пальцы Императора сжали шелк трона, но тут же расслабились. Он сидит на самом высоком месте, и весь мир смотрит на него снизу вверх.

Евнух тонким, монотонным голосом зачитывал послание, в котором из раза в раз повторялись одни и те же слова о стремлении к дружбе между государствами.

— Наградить, — спокойно произнес Император. Его голос был низким и приятным, тон — выверенным: не слишком холодным, но исполненным величия. Каждое его движение казалось тщательно отрепетированным.

Именно за это министры больше всего уважали своего правителя.

Награды не принесли сразу — евнух лишь открыл список, подготовленный Министерством обрядов, и принялся громко его зачитывать.

— Благодарим за милость, — пропел евнух, растягивая слова.

— Докладываю государю, пир в саду готов.

— Хорошо, — кивнул Император. — Тогда начинайте пир.

Он торжественно поднялся и направился к выходу. Внезапно сердце пронзило будто иглой. Мягкий укол, но такой безжалостно острый. Неприятное чувство, будто его оскорбили, заставило Императора резко обернуться и бросить взгляд на ступени позади.

Его взор упал на лицо киданьского принца.

Он?

Император впился в него еще более властным и пронзительным взглядом.

Неужели он посмел?

Киданьский принц всё так же искренне улыбался, его мягкое лицо было слегка опущено — воплощение покорности.

— Государь? — робко позвал Сяо Фуцзы.

Император, заложив руки за спину, с высоты своего трона смотрел на принца.

Нет, этот человек мягок и безобиден, в лучшем случае — просто храбрый воин. С детства его учили разбираться в людях, и он доверял своему чутью.

— Государь, в саду уже начинается пир, — тихо напомнил Сяо Фуцзы.

Император удовлетворенно приподнял уголки губ, отвел взгляд и ушел.

Никто не посмел бы так смотреть.

Он всегда в центре внимания, но никто не осмелится сверлить его таким жгучим взглядом. Он — Император, владыка четырех морей. Тот опаляющий, страстный взор, от которого горит спина — это точно не то, что позволительно чувствовать ему.

Тот, кто посмеет на подобное, будет казнен самой мучительной смертью.

Император мрачно погрузился в свои мысли.

<http://bllate.org/book/21146/2144228>